

Охваченный гневом и тревогой, он тяжело заболел в Чучжоу и провел более месяца в гостинице, восстанавливая силы, прежде чем, наконец, с больным и ослабленным телом вернулся в городок Ухуа.

Фан Сяоань был самым близким человеком в его жизни, даже ближе, чем родной сын.

Отец Ли Чжишаня был печально известным в мире бродяг «Призрачным Лекарем» — человеком с ужасным характером и извращенными наклонностями. Несмотря на выдающиеся медицинские способности, он любил экспериментировать на живых людях, загубив за свою жизнь бесчисленное количество жизней. Однако судьба распорядилась так, что у него родился добросердечный сын.

Ли Чжишань был умным и талантливым, преуспел в медицине, но его физическая конституция была слабой, и он не мог заниматься боевыми искусствами. В итоге, когда «Призрачный Лекарь» умер не самой благородной смертью, он оставил своего беззащитного сына, который, как бездомная собака, скитался, не находя пристанища.

Пока он не встретил семью Фан, раздающую милостыню. Отец Фан Сяоаня, увидев, как его толкают и пихают в толпе, даже ребенок мог с ним справиться, подумал, что этот человек выглядит жалко, и, опасаясь, что тот умрет от голода, вытащил этого взрослого нищего из толпы и привел в дом Фан.

Позже старик Фан обнаружил, что он вовсе не подобрал нищего, а нашел настоящую жемчужину! Не только человек с добрым сердцем, но и выдающийся врач. Поскольку его единственный сын, Фан Сяоань, не любил учиться, он решил, что тот будет учиться медицине у Ли Чжишаня.

Ли Чжишань прожил в доме Фан более десяти лет. Хотя он и Фан Сяоань были учителем и учеником, их отношения были ближе, чем у отца и сына. Когда Фан Сяоань поступил в Императорский госпиталь, старик Фан, считая, что это принесло честь их роду, с радостью отошел в мир иной.

Фан Сяоань переехал с семьей в столицу, а Ли Чжишань укрылся в городке Ухуа, где открыл клинику.

Его жена давно умерла, оставив ему сына, который, по неизвестной причине, вырос настоящим негодяем.

Фан Сяоань писал ему письмо каждый месяц, точно в срок. Он знал о характере Ли Даху, о его непочтительности и бесчестии, поэтому давно планировал забрать Ли Чжишаня к себе, чтобы заботиться о нем.

Но смерть забрала всех — семья Фан была уничтожена.

Говорят, что самое страшное горе — это когда старик хоронит молодого. Но он даже не смог увидеть Фан Сяоаня в последний раз. Разве это горе не хуже смерти?

Он не мог понять, как человек мог просто исчезнуть? Какие воров могли быть настолько дерзкими? Ведь это был Чучжоу, а не какая-то глухая деревня!

Единственное, что он мог связать с этим, — это последние два письма Фан Сяоаня.

Одно письмо доставил лично старший сын Фан Сяоаня, который забрал упомянутую в письме

траву Утоу. В другом письме упоминалось, что Фан Сяоань был уволен из-за смерти наложницы. В письме намекалось, что он был вынужден совершить несправедливое убийство под давлением власти, что привело к гибели невинного человека, и это противоречило его врачебному долгу — спасти жизни.

Самое важное было в последней строке письма: «Учитель, если Ван Сыдао пощадит меня, когда все уляжется, я обязательно позабочусь о вас до конца ваших дней!»

Если подсчитать, день уничтожения семьи Фан был на следующий день после его возвращения домой!

Он думал, что эта тайна умрет вместе с ним, уйдет в могилу, и никто никогда не узнает правду. Он был простым человеком, у него не было возможности вынести это на свет и тем более сил искать истину.

Но теперь, по воле судьбы, Князь И оказался в городке Ухуа. Разве это не знак свыше?

Ли Чжишань дрожащими руками поднял свои затуманенные слезами глаза и посмотрел на далекие горы и облака за окном, тихо прошептав:

— Сяоань, Сяоань...

Незаметно солнце зашло за горизонт, и последний оранжевый свет был поглощен тьмой.

Только когда мальчик-слуга позвал его к ужину, Ли Чжишань наконец размял онемевшие ноги и встал в темноте.

О Му Цинфэне он уже слышал. Говорили, что он справедлив и строг, но при этом совершенно бесчувственен. Это можно было понять по вчерашней стычке на берегу реки.

Судя по его наблюдениям, Му Цинфэн действительно был решительным и расчетливым, но не лишенным чувств.

Но даже если у него были чувства, разве стал бы он ради незначительного человека ссориться с высокопоставленным чиновником? Тем более, что это был родной брат Вдовствующей императрицы и дядя самого императора. Ли Чжишань не мог быть уверен в этом.

Он вздохнул и решил не рисковать, подождет еще. На ощупь в темноте он положил сандаловую шкатулку обратно в ящик.

Как только наступил час Сюй, Гу Шаобай очнулся. Прошло некоторое время, прежде чем его рассеянный взгляд сосредоточился на улыбающемся лице перед ним.

В голове был полный хаос, но, наконец, он понял, что кто-то вытащил его из лап смерти.

Му Цинфэн почесал кончик носа и улыбнулся:

— Если бы ты не очнулся, я бы заплакал.

Гу Шаобай посмотрел на него и вдруг вспомнил, что он был почти при смерти, умолял и кричал, но этот человек не слушал его последних слов. Какой же он бесчувственный, не человек!

К счастью, он выжил, иначе его смерть была бы напрасной.

Половину от усталости, половину от злости, Гу Шаобай снова закрыл глаза, не желая с ним разговаривать.

Му Цинфэн уже понял его мысли и, нагло поддевая его веки большим и указательным пальцами, сказал:

— Ты все еще злишься? Я извинюсь, хорошо?.. Эй, не смотри на меня так... Если бы я тогда согласился, ты бы ушел без сожалений, спокойно уснул и не проснулся, а я бы... я бы просто умер от горя!

Гу Шаобай сдался, убрав свой острый взгляд. Он смотрел, как Му Цинфэн то шутит, то серьезничает, и не стал разбираться, где правда, а где ложь.

— Как ты себя чувствуешь, лучше? — спросил Му Цинфэн, взяв его руку и мягко целуя суставы пальцев.

Гу Шаобай почувствовал, как будто его обсыпали перьями, пальцы чуть не свело судорогой, но у него не было сил оттолкнуть его. Он слабо ответил:

— Мм... живот болит... нет сил.

Му Цинфэн, как наглая кошка, не только кусал, но и облизывал:

— Стрела из рукава была недлинной, она не пронзила живот, но боль, конечно, есть. На стреле был яд... Кстати, старик Ли действительно мастер, без него было бы плохо... Ты голоден? Я велел приготовить кашу, жду, пока ты очнешься...

Гу Шаобай посмотрел на свою мокрую руку и вздохнул:

— Эх... Ты думаешь, у меня есть аппетит?

Му Цинфэн, не обращая внимания, вытер его руку рукавом, откинул занавеску и приказал что-то человеку у двери, затем вернулся и снова взялся за его руку, на этот раз просто прижимая ее к щеке и нежно поглаживая.

Гу Шаобай с тоской подумал, что за эти два дня и одну ночь, пока он был без сознания, что-то произошло. Му Цинфэн словно стал другим человеком. Та маленькая искра наглости превратилась в огромное дерево.

— Теперь ты можешь сказать, — взгляд Му Цинфэна был необычайно мягким, его тонкие губы изогнулись в идеальной улыбке, которая полностью смягчила его холодные черты. — Все, что я смогу сделать, я сделаю!

Гу Шаобай усмехнулся:

— Я даже не знаю, кто ты... Даже если ты дашь обещание, боюсь, это будет пустой звук!

Он знал, что его слова звучали как давление, и предполагал, что Му Цинфэн вряд ли легко раскроет свою личность, но он все же хотел попробовать!

К его удивлению, Му Цинфэн даже глазом не моргнул и сразу сказал:

— Я — Му Цинфэн, Князь И, вот кто я...

Он достал из кармана нефритовую подвеску, которую когда-то отдал ему на хранение, и положил ее ему на ладонь.

— Этот ответ тебя устраивает?

На самом деле, Гу Шаобай, конечно, знал, кто он, но все же внимательно рассмотрел подвеску при свете свечи. На одной стороне было вырезано сложное изображение, а на другой — иероглиф «Му».

Он вернул подвеску Му Цинфэну и притворился удивленным:

— А, так это Князь И! Простите, не узнали вас!

Му Цинфэн улыбнулся:

— Не беда...

Но в душе он был крайне удивлен. Гу Шаобай, должно быть, думал, что он следил за Чжоу Фэном, а Му Цинфэн и был Чжоу Фэном. Для него это должно было быть как гром среди ясного неба.

Но, судя по его наигранному выражению, он, казалось, уже все знал!

Му Цинфэн, который много лет провел на поле боя и долгое время вращался в политике, был обведен вокруг пальца этим семнадцатилетним мальчишкой. Это было просто невероятно!

Внезапно в нем проснулось любопытство и желание подшутить. Раз так, то он сыграет с ним в эту игру, посмотрит, что он задумал, и зачем он готов был отдать свою жизнь!

<http://bllate.org/book/16730/1538735>